

Ю. А. ДЗИЦЦОЙТЫ

К ЭТИМОЛОГИИ ТЕРМИНА NART

Термин *nart* встречается во всех языках Кавказа, на которых существуют сказания о нартах: осетинское *nart(æ)*, адыгейское *nart*, кабардинское *nart*, убыхское *nart*, абхазское *nartaa*, абазинское *nart*, балкар-карачаевское *nart*, ингушское *nart*, *njart*, чеченское *nart*, даргинское *nart*, сванское *nart*, грузинское *nartebi*. В большинстве этих языков рассматриваемый термин является названием героев эпоса.

Вопрос о происхождении термина *nart(æ)* является одним из центральных в нартоведении. Предложено несколько этимологий этого термина на иранской, кавказской и монгольской почве.

В 1921 г. известный кавказовед Н. С. Трубецкой пришел к выводу о том, что «термин Нарт не может быть разъяснен ни на одном из северокавказских языков»¹. Противоположное мнение было высказано В. И. Абаевым, считавшим, что в осетинский язык рассматриваемый термин усвоен «из кавказского этнического мира» [АБАЕВ 1927:107].

Впоследствии В. И. Абаев пересмотрел свой взгляд, указав на причину, по которой термин *nart* не может быть кавказского происхождения: в хакасском языке встречается слово *nartpak* 'богатырская сказка', в первой части которого, по мнению осетинского ученого, скрывается интересующее нас слово [АБАЕВ 1973: 160]. Поскольку предки хакасов входили в сферу культурного влияния скифо-сарматских племен, а влияние кавказских языков никогда не распространялось так далеко на восток, термин *nart*, независимо от его происхождения, следует признать вкладом в хакасский язык из доосетинского. Следовательно, и в кавказские языки он мог войти из того же источника.

Не вдаваясь в обсуждение каждой конкретной этимологии на кавказской почве, следует отметить, что, судя по фонетическому единообразию рассматриваемого термина в кавказских языках, он не может быть закономерным рефлексом прасеверокавказского архетипа. Единообразие форм в разных языках обычно указывает на заимствование².

Поскольку этимология термина *nart* на кавказской почве априори маловероятна, остается выяснить достоверность этимологии на иранской и монгольской почве. Согласно первой из них, термин *nartæ* восходит к древнеиранской основе **nara-* ‘самец, мужчина’, а согласно второй – к монгольской основе *nar* ‘солнце’. Для удобства изложения первую из этих этимологий мы условно будем называть «иранской», а вторую – «монгольской». Свою задачу мы видим в том, чтобы выяснить преимущества и недостатки обеих гипотез, анализ которых мы начнем с позиции В. И. Абаева, так как именно в трудах этого ученого содержится критика иранской этимологии и обоснование альтернативной этимологии на монгольской почве.

Уже в конце XIX и в начале XX в. термин *nartæ* был сопоставлен с иранской основой **nara-* ‘самец, мужчина’ (ЛОПАТИНСКИЙ, БЛАЙХШТАЙНЕР, РКЛИЦКИЙ). Данное сопоставление принято и развито в трудах Н. С. Трубецкого, А. Мейе, Ж. Дюмезиля, Г. В. Бейли и Э. Бенвениста³. Однако В. И. Абаев признал иранскую этимологию противоречащей исторической фонетике и исторической морфологии осетинского языка [АБАЕВ 1945: 18; АБАЕВ 1973: 158-160; АБАЕВ 1990: 261-283].

Несмотря на эту критику, на генетической зависимости термина *nartæ* от иранской основы **nara-* ‘самец, мужчина’ продолжали настаивать Г. В. Бейли [BAILEY 1979: 172; BAILEY 1980: 237] и Ж. Дюмезиль [DUMÉZIL 1986: 132]. Этимон осетинского термина Г. Бейли восстановил в виде **nar-θra-* и сопоставил с сакским *naḍaun-* ‘носитель силы, герой’ (из иран. **nṛtāvan-*); ср. форму им.п. ед.ч. *naḍe-* (из иран. **nṛtā(vā)h-*), им.п. мн.ч. *naḍaunä* (из иран. **nṛtāvānah-*). Сакские формы в конечном итоге отражают иранскую базу **nṛta-*, восходящую к глагольной базе **nar-* ‘быть умелым, активным, мужественным’, откуда идут и **nara-* ‘мужчина’, и **nar-ya-* ‘самец; настоящий мужчина’.

К этой этимологии присоединились Э. Бенвенист [1965: 50], Е. М. Мелетинский [2004: 165], Ю. С. Гаглойти [1965: 102-104], З. Н. Ванеев [1990: 223], Л. А. Герценберг [1981: 245], В. А. Кузнецов [1984: 11], Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов [1984: 190, 802], Б. Г. Джонуа и Г. А. Климов [1985 (с оговорками)], Ф. Тордарсон [THORDARSON 1989: 478], И. Гершевич [1990: 210], Т. Н. Пахалина [1991: 89]⁴, М. М. Маковский [1996: 36], А. Р. Чочиев [1996: 29], М. Н. Боголюбов [2000: 5] и многие другие.

Попытку уточнить иранскую этимологию предпринял французский славист Ф. Корнильо, по мнению которого осетинское *nartæ* правильнее возводить к архетипу **hu-nar-θā-*, являющемуся производным от иранского образования **hu-nar(a)-* ‘добродетель’ (к той же основе **nar-*),

представленного в осетинском языке с афerezисом [CORNILLOT 2002: 11-76]. Данную интерпретацию осетинского термина поддержали Ф. Бадер [2005: 220-221] и Ф. Жинью [GIGNOUX 2005: 224].

Совершенно очевидно, что значительной части авторов цитированных исследований, являющихся специалистами по истории иранских языков, нельзя предъявлять обвинения в незнании или игнорировании исторической фонетики и исторической морфологии осетинского языка. Следовательно, причина расхождения их позиции с позицией В. И. Абаева кроется в чем-то другом. В чем именно? Чтобы ответить на этот вопрос, следует подробнее изложить и проанализировать аргументы В. И. Абаева против иранской этимологии.

В наиболее полном виде возражения В. И. Абаева изложены в его историко-этимологическом словаре, где он пишет: «Этимология, связывающая *Nartæ* с иран. *nar-*, неприемлема как по семантическим, так и формальным соображениям. 1. Иран. *nar-* сохранилось в осетинском в виде *næl-* ‘самец’; семантика этого слова лежит целиком в половой сфере и не содержит даже намека на значения ‘герой’, ‘воин’ и т.п. Думать, что параллельно в осетинском существовало это же слово с долгим гласным (*nar* в *Nartæ* пришлось бы возводить к *nār-*, а не *nar-*) и что это слово могло означать ‘богатырь’, ‘герой’ или что-либо подобное, нет никаких оснований. 2. Центральной фигурой нартовского эпоса является женщина, Шатана, которая выступает как мать народа. Непонятно, как в эпосе с такой ясно выраженной матриархальной тенденцией весь народ мог называться “мужчинами”, не говоря уже о полной бесцветности такого наименования» [АБАЕВ 1973: 159; ср.: АБАЕВ 1945: 18].

Рассмотрим эти аргументы в том же порядке.

В первом пункте содержится сразу два возражения фонетического характера: во-первых, отмечается, что осетинский рефлекс иранской основы **nar-* содержит на конце *l*. Во-вторых, отмечается, что осетинское *nartæ* предполагает этимон с долгим корневым гласным (**nār-*), но иранская основа **nar-* в такой форме не засвидетельствована. Насколько существенны эти возражения и почему специалисты по истории иранских языков, интересовавшиеся происхождением термина *nartæ*, прошли мимо них?

Отвечая на эти вопросы, приходится констатировать, что В. И. Абаев допустил в своих возражениях ряд неточностей.

Начнем с того, что иранская основа **nar-* в осетинском не могла дать рефлекс *næl*. Осетинское *næl* по общему мнению специалистов восходит к древнеиранскому **nar-ya-*, производному от той же иранской основы **nar-* [GERSHEVITCH 1955: 486; БЕНВЕНИСТ 1965: 43; VIELMEIER 1982:

66; THORDARSON 1989: 464, 468; CHRISTOL 1989: 9; CHEUNG 2000: 53, 54, 106, 207]. Древнеиранская группа *ry (ri) в осетинском регулярно отражается в виде l(l) [Миллер 1887: 158; АБАЕВ 1949: 214, 245; АБАЕВ 1995: 328; GERSHEVITCH 1955: 486; БЕНВЕНИСТ 1965: 42-46; НАРМАТТА 1970: 58, 78-80, 90-91, 105, 105-106; ЭДЕЛЬМАН 1986: 78; ИСАЕВ 1987: 563; THORDARSON 1989: 464; CHRISTOL 1989: 10, 30; CHEUNG 2000: 24; LEBEDYNSKY 2000: 8]⁶, и именно этим объясняется появление в осетинском слове *næl* (из *narya-) фонемы l на месте иранской *r.

Любопытно отметить, что, говоря об этимологии слова *næl*, В. И. Абаев в своих ранних работах был недостаточно последователен, восстанавливая для него и этимон *nar-ya- [АБАЕВ 1949: 214], и этимон *nar- [АБАЕВ 1949: 20; АБАЕВ 1973: 159]. Последней реконструкции В. И. Абаев придерживался и в 1945 г., когда он, возражая Л. Лопатинскому и М. В. Рклицкому, впервые указал на то, что иранское слово *nar* «должно было получить в осетинском закономерную форму *næl* (что мы и имеем), а не *nart*» [АБАЕВ 1945: 18]. Однако теперь мы знаем, что осетинское *næl* ‘самец’ не может быть закономерным рефлексом иранской формы *nar-.

Нам не ясна причина непоследовательности В. И. Абаева в восстановлении архетипа слова *næl*. Следует, однако, отметить, что такая же непоследовательность наблюдается и в исследованиях В. И. Абаева, посвященных этимологии некоторых других осетинских слов, содержащих фонему l. Так, осет. *zældæ* ‘молодая трава’, возведено и к др.-иран. *zari(ta) [АБАЕВ 1949: 119, 245; АБАЕВ 1989: 295], и к др.-иран. *zar-ta [АБАЕВ 1949: 597]; осет. *st'aly* | *st'alu* ‘звезда’ возведено и к др.-иран. *star [АБАЕВ 1949: 18], и к др.-иран. *stārya- [АБАЕВ 1979: 162]; осет. *calx* ‘колесо’ возведено и к др.-иран. *čaxra [Абаев 1949: 54], и к др.-иран. *čaxrya [АБАЕВ 1958: 288].

Как видно из этих примеров, неточные этимоны встречаются, как правило, в ранних работах В. И. Абаева, а точные – в поздних. Значит ли это, что в 1945 г. В. И. Абаев еще не знал точный этимон слова *næl*? Вполне возможно, однако необходимо отметить, что задолго до 1945 года В. Ф. Миллер восстановил этимон осетинского *næl* ‘самец’ в виде *naria [Миллер 1887: 158].

Для нашей темы важно, что в своем Словаре, в статье, посвященной этимологии слова *næl*, В. И. Абаев остановился на единственно правильном этимоне *narya- [АБАЕВ 1973: 166]. Однако данная позиция не нашла отражения в статье, посвященной этимологии термина *nartæ*. В результате в одном и том же словаре нашли отражение как верный, так и неверный этимон одного и того же слова.

Часть осетинских ученых, не посвященных в тонкости исторической фонетики осетинского языка, восприняв сопоставление **nar-* – *nael* буквально и решив, что древнеиранская фонема **r* в осетинском языке обычно отражается в виде *l*, попыталась выяснить причину ее сохранения в слове *narta*.

Почин в подобной трактовке истории фонемы **r* принадлежит историку Ю. С. Гаглойти. Возражая В. И. Абаеву, он писал: «Происхождение термина *нарты* от древнеиранского *нара* представляется совершенно убедительным. Выдвигавшееся против такой интерпретации имени нартов возражение о том, что древнеиранское *нара* должно было дать в осетинском *наел*, не опровергает иранское происхождение термина нарты, т.к. *r* не всегда дает в осетинском *л* (ср., например, дигор. *ардар* “князь” рядом с ирон. *алдар*, *арфаæ* “благословение” из др.-ир. *афр-* и др.)» [ГАГЛОЙТИ 1965: 104].

Эти доводы фактически поддержал филолог Т. А. Гуриев: «Утверждение, что древнеиранское “*r*” не всегда дает в осетинском “*л*”, в какой-то мере справедливо, но не может поколебать тезис В. И. Абаева, так как мы действительно имеем в осетинском “*наел*” самец от древнеир. “*нар*”. Думать, что указанное древнеиранское слово дало в своем развитии два результата в осетинском (*наел* и *нар-т*) с соответствующими изменениями, в принципе не может быть отвергнуто, но маловероятно» [ГУРИЕВ 1971: 27]. И далее: «Мы полностью принимаем замечание В. И. Абаева о том, что иранское “*нар*” должно было закономерно дать и дало в осетинском слово “*наел*” и поэтому термин “*нарт*” не связан с иранским “*нар*”» [там же: 38].

Другой филолог, Х. С. Джиоев, отстаивавший гипотезу об иранском происхождении термина *nart*, также коснулся рассматриваемой проблемы: «Примеры, которые приводятся Ю. С. Гаглойти для подтверждения тезиса о том, что *r* не всегда дает в осетинском *л*, могут быть дополнены и в следующих единицах: в иранском – *арзата* – в осет. – *арзат*, в иранском *арна*, в скиф, *арнак*, в осет. – *арнаг* и др.» [ДЖИОЕВ 1982: 131].

Эту линию продолжили филолог К. Г. Джусоева и археолог В. Х. Тменов в их совместной статье, посвященной происхождению топонима *Nar*. «Ю. С. Гаглойти и некоторые другие нартоведы приводят целый ряд примеров, свидетельствующих о том, что “*r*” не всегда дает “*л*” в осетинском языке». Далее авторы высказывают свое мнение относительно причины сохранения иранской **r* в слове *nart*: «В. И. Абаев и Т. А. Гуриев не учли, на наш взгляд, того обстоятельства, что “*нар*” попадает в ономастикон эпоса, когда еще не произошел процесс трансформации его в “*нал*” в осетинском языке (...). И как собственное имя “*Нар*” с показателем мно-

жественности “Нар-т” оно переходило из века в век, из одного поколения в другое, законсервировалось в своей первоначальной форме, все дальше отдаляясь от своего изначального номинативного значения» [ДЖУСОЕВА, ТМЕНОВ 1992: 103]⁷.

Позицию В. И. Абаева разделяет и крупнейший немецкий лингвист Й. Кноблех, полагающий, что связь термина *nartæ* с иранским **nar-* ‘мужчина’ следует отклонить по той причине, что последнее отразилось в осетинском в виде *næl* ‘самец’ [КНОБЛОХ 1991: 38]. Монгольскую этимологию В. И. Абаева, а, следовательно, и критику иранской этимологии, принял видный иранист Л. Згуста [ZGUSTA 1998: 535].

Недавно этого же вопроса коснулся и литературовед Н. Г. Джусойты, признавший возражения В. И. Абаева против иранской этимологии аргументированными и убедительными. Среди прочего, разумеется, одобрен и довод о том, что иранская основа *nar-* сохранилась в осетинском в виде *næl* ‘самец’ [ДЖУСОЙТЫ 2005: 139, 142].

В приведенных высказываниях историческая фонетика осетинского языка переставлена с ног на голову. В действительности древнеиранская фонема **r* в осетинском языке регулярно отражается в виде *r* [МИЛЛЕР 1882: 88; ИСАЕВ 1987: 563; THORDARSON 1989: 465; CHEUNG 2000: 24]. Но существуют исключения из этого правила, когда в строго определенных позициях древнеиранская **r* переходит в осетинском в *l*, и на одну из этих позиций мы указали выше⁸.

Как видно из сказанного, древнеиранская основа **nar(a)-* в осетинском языке могла отразиться только в виде **nær-*. Весьма показательно, что В. И. Абаев, противореча своей же позиции, усматривал основу **nar(a)-* не только в осетинском слове *næl* ‘самец’, но и в словах, содержащих *r*. Это, во-первых, осетинское *nærsyn* ‘разбухать, толстеть’ – из **nr-s-* (к основе **nar-*) [АБАЕВ 1973: 170], а во-вторых, осетинское *nard* ‘жирный’ – из **nrta-* (к той же основе) [АБАЕВ 1973: 157]. Сюда же, по мнению Г. В. Бейли, относится слово *næræmon* ‘несдержанный, неукротимый’, если из **nara-māna-* ‘с отважным складом ума’ (ср. авестийское *naire-manah-* с тем же значением) [BAILEY 1980: 240]⁹.

Таким образом, термин *nart* со своим *r* вполне может восходить к древнеиранской основе **nar-*, а переход **r > l* тут вообще ни при чем.

Однако более существенной является другая неточность, допущенная В. И. Абаевым. Утверждая, что осетинский термин *nartæ* предполагает этимон с исторически долгой корневой гласной, он сознательно упустил из виду тот факт, что осетинская *a* может восходить не только к древнеиранской **ā-* долгой, но и к древнеиранской краткой **a*, находящейся в позиции перед двумя согласными конечного слога [Миллер 1882:

48; БЕНВЕНИСТ 1965: 50]. Эти факты давно и хорошо известны в научной литературе, причем признаны самим В. И. Абаевым. Здесь мы рассмотрим несколько случаев растяжения краткой корневой гласной **a* в позиции, совершенно идентичной той, которая реконструирована для термина *nartaē*.

Древнеиранская краткая **a* растягивается в осетинском языке и отражается в виде *a* (вместо *æ*) в следующих случаях.

В формах прошедшего причастия глаголов, корень которых исходит на **r*, а форма образована с помощью древнеиранского суффикса *-ta*:

tær-yn ‘гнать’ – прош. прич. *tar-d* из иран. **tar-ta* (а не **tār-ta*) [МИЛЛЕР 1882: 48; ИСАЕВ 1987: 552-553]; ср. производную форму с приставкой **vi-* в осетинском *dard* ‘далекий, далеко’ из иран. **vi-tar-ta* [АБАЕВ 1958: 344; БЕНВЕНИСТ 1965: 106; АБАЕВ 1979: 279; ЭДЕЛЬМАН 1986: 165; СНЕУНГ 2000: 24];

sær-yn ‘жить’ из иран. **šar-* – прош. прич. *car-d* [МИЛЛЕР 1882: 48; ИСАЕВ 1987:553];

mæł-yn ‘умирать’ – прош. прич. *mar-d* из иран. **m(a)r-ta* [МИЛЛЕР 1882: 48; АБАЕВ 1949: 29; АБАЕВ 1973: 71-72; ЭДЕЛЬМАН 1986: 165; ИСАЕВ 1987: 553; THORDARSON 1989: 461] и многое другое.

В. Ф. Миллер датировал чередование «сильного и слабого корня» в приведенных осетинских примерах индоевропейской эпохой, подкрепив свой вывод примерами на аналогичное чередование в древнеиндийском (санскрите) и древнегреческом [МИЛЛЕР 1882: 48].

Аналогичное «растяжение» исторически краткой гласной **a* находим также при наращении суффикса *-ta* на глагольные корни, исходящие на другие согласные:

bætt-yn ‘связывать’ – прош. прич. *bas-t* из иран. **bas-ta* [МИЛЛЕР 1882: 48; АБАЕВ 1949: 26, 29; ЭДЕЛЬМАН 1986: 105; ИСАЕВ 1987: 553];

tæx-yn ‘лететь’ – прош. прич. *tax-t* из иран. **tak-ta*; ср. явно относящееся сюда же слово *taγd* ‘быстрый, быстро’ из иран. **tax-ta* от того же корня **tak-* [МИЛЛЕР 1882: 48; АБАЕВ 1979: 221-222, 286-287; ИСАЕВ 1987: 553; THORDARSON 1989: 465; СНЕУНГ 2000: 13]¹⁰.

Осетинская *a* соответствует иранской краткой **a* и в тех случаях, когда двусложное иранское слово в осетинском сокращается в односложное, причем иногда ударение, стоявшее на конечном (суффиксальном) гласном, переходит на корневую гласную *a*:

arv ‘небо’ из иран. **abra-*, ср. санскритское *abhrá* ‘облако’ [МИЛЛЕР 1882: 50; АБАЕВ 1958: 72; ИСАЕВ 1987: 552; THORDARSON 1989: 459; ЦАБОЛОВ 2001:58];

mary ‘птица’ из иран. **mṛga-*, ср. санскритское *mṛgá* ‘дичь’ [Миллер 1882: 50; Абаев 1973: 74; Исаев 1987: 552; THORDARSON 1989: 464; CHEUNG 2000: 24];

dary ‘длинный’ из иран. **darga-*, ср. санскритское *dīrghá-* ‘длинный’ [Миллер 1882: 50; Абаев 1958: 345; THORDARSON 1989: 464; Цаболов 2001: 311];

ard ‘клятва’ из иран. **ṛta-*, **arta-*, ср. санскритское *ṛtá-* ‘священный’ [Миллер 1882: 50; Абаев 1958: 61; CHEUNG 2000: 24];

avd ‘семь’ из иран. *hafta < *hapta, ср. санскритское *saptá* [Миллер 1882: 50, 75; Абаев 1949: 21, 167, 213; Абаев 1958: 83; Бенвенист 1965: 27; Исаев 1987: 552; THORDARSON 1989: 465; CHEUNG 2000: 13];

qarm, диг. *γar(m)* ‘теплый’ из иран. **garma-*, ср. санскритское *gharmá* ‘тепло’ [Миллер 1882: 50; Абаев 1973: 267; Эдельман 1986: 70-71; THORDARSON 1989: 464];

kard ‘нож, меч’ из иран. **karta-* [Миллер 1882: 50, 78; Абаев 1949: 53, 171; THORDARSON 1989: 464]¹¹.

Растяжение исторически краткой *a происходит в тех же самых условиях и в случае, если ударение, как это видно из древнеиндийских данных, падает на первый слог:

ars ‘медведь’ из иран. **arša-*, **ṛša-*, ср. санскритское *ṛkṣa-* [Миллер 1882: 50; Абаев 1958: 69; Пахалина 1983: 156];

carṁ ‘шкура, кожа’ из иран. **čarman-*, ср. санскритское *čárman-* [Миллер 1882: 50; Абаев 1958: 290];

kalm ‘змея’ из иран. **kṛmi-*, ср. санскритское *kṛmi-* [Миллер 1882: 50; Абаев 1958: 569];

fars ‘бок, сторона’ из иран. **parsu-*, ср. санскритское *pársu-* [Миллер 1882: 50; Абаев 1958: 423; Пахалина 1983: 17; Исаев 1987: 552].

Исходя из сказанного, следует признать неточным утверждение В. И. Абаева о том, что древнеиранская основа **nar-* не могла дать в осетинском языке форму с долгим *a* и что по этой причине для осет. *nartæ* пришлось бы реконструировать параллельную форму с исторически долгим *ā. На самом деле в слове *nartæ* мы имеем все необходимые условия для «растяжения» исторически краткой *a – это соседство краткой *a с комплексом «плавный + *ta*». Форма *næl* ‘самец’ (из **nar-ya-*) относится к форме *nar-t* ‘нарты’ (из **nar-ta-* или **nar-θa-* или **nar-θra-*) так же, как *mæl(yŋ)* ‘умирать’ (из **mar-ya-*) к *mar-d* ‘мервый’ (из *mar-ta), или как *cæl* ‘угощение, пир’ (из **čar-ya-* [Бенвенист 1965: 43]) к *card* ‘жизнь’ (из **čar-ta-*).

Из прямого указания В. И. Абаева на то, что из праформы **nṛtu-* в осетинском могла получиться форма *nard [Абаев 1990: 266], видно, что

осетинский ученый допускал возможность растяжения исторически краткой **a* в позиции перед двумя согласными. Но, когда речь заходила об этимологии слова *nartæ*, он полностью забывал об этой стороне исторической фонетики осетинского языка и ограничивался утверждением, что этимон этого слова предполагает древнеиранскую основу с долгой корневой гласной (**nār-*) [там же: 267].

В чем же причина двоякого подхода к типологически однородным явлениям? Нам представляется, что дело кроется в исключениях из описанного выше правила. Известно, что древнеиранская **a* не растягивалась, например, в позиции перед **r*+согласная, в случае, если за этой группой следовал еще один слог: *ærzæt* ‘руда’ < иран. **rzaθa-* [THORDARSON 1989: 461]. Не растягивалась **a* и в случае, если к основе, исходящей на **r*, присоединялся суффикс множественного числа *tæ*, ср.: *sær* ‘голова’ – *særtæ* ‘головы’ и т. п. Следовательно, если бы древнеиранская основа **nar(a)-* сохранилась в осетинском языке в свободном употреблении, то имела бы в единственном числе форму **nær*, а во множественном – **nærtæ*.

Внимательное изучение вопроса показывает, что в абаевских возражениях против иранской этимологии фонетические аргументы подчинены морфологической интерпретации. А в основе последней лежит неверная трактовка конечного элемента *tæ*. В. И. Абаев был убежден, что конечное *tæ* тождественно показателю множественности *tæ*. Если так, то корень слова *nartæ* действительно должен был иметь исторически долгую гласную, ср. *bar* ‘право’ – *bartæ* ‘права’¹², но *sær* ‘голова’ – *særtæ* ‘головы’. Таким образом, исследователь оказывается перед необходимостью решить следующую дилемму: либо компонент *tæ* тождествен суффиксу множественного числа, и в этом случае основа *nar-* не может восходить к иранской основе **nar-*, либо основа *nar-* все же восходит к иранской основе **nar(a)-*, и в этом случае компонент *tæ* исторически не является суффиксом множественного числа. Без решения вопроса о компоненте *tæ* правильное решение этимологии термина *nartæ* невозможно.

Термин *nartæ* в современном употреблении воспринимается только как форма множественного числа [АЛБОРОВ 1930: 205]. От современной формы его употребления отталкивался и В. И. Абаев [1945: 88] при этимологизации этого термина. Однако в научной литературе неоднократно указывалось на то, что на диахроническом уровне в термине *nartæ* показатель множественности не вычленяется [BAILEY 1980: 237; ПАХАЛИНА 1991: 89; ДЗИЦКОЙТЫ 1992: 28; БОГОЛЮБОВ 2000: 5]. Доказательством этого положения служат три обстоятельства.

Во-первых, рядом с формой множественного числа, как правило, существует форма единственного числа. Для рассматриваемого слова такой формой должна быть основа *nar-*. Удивительно, что данная форма не засвидетельствована не только в языке осетинского фольклора [ГУРИЕВ 1971: 39], но и в языке фольклора других народов Кавказа, усвоивших нартовский эпос.

Во-вторых, как я пытался показать в других работах, термин *nartæ* из скифского (или сарматского) языка был усвоен в коми-зырянский язык, а также в смоленские говоры русского языка. Причем, в обоих языках, несмотря на наличие элемента *t*, он имеет грамматическое значение единственного числа.

Речь идет, с одной стороны, о коми-зырянском *нарт* ‘безжалостный, доводящий до изнурения’, ‘притесняющий’, в диалектах также – ‘упрямый, своенравный, непослушный’ [ЛЫТКИН, ГУЛЯЕВ 1970: 186], а с другой – о русском (смолен.) *нарт* ‘дерзец, упрямец, нахал’, откуда – *нартиться* ‘упрямиться, вставать на дыбы (о лошади)’ [ДОБРОВОЛЬСКИЙ 1914: 459]¹³. Это слово отсутствует как в коми-пермяцком языке, так и в большинстве говоров русского языка. На коми-зырянской почве оно не этимологизируется. Этимология на русской почве из *на+ръть* ‘острие’ [ФАСМЕР, III: 46] неубедительна по семантической причине. Кроме того, семантика русского *нарт* уже семантики соответствующего коми-зырянского слова, поэтому не исключено, что в смоленские говоры оно вошло из этого языка. Что же касается коми-зырянского слова, то оно, несомненно, усвоено из скифо-сарматских наречий [ДЗИЦЦОЙТЫ 1992: 29; ДЗИЦЦОЙТЫ 1998: 58; ДЗИЦЦОЙТЫ 2003: 8-9].

Уже после того, как в печати появилась наша этимология коми и смоленского слова, И. Г. Добродомов в устном сообщении А. Е. Аникину повторил сопоставление коми и русского *нарт* с осетинским *nartæ* [АНИКИН 2000: 11]. При этом работы автора этих строк не упоминаются, что может свидетельствовать о самостоятельности вывода И. Г. Добродомова. Любопытно, что А. Е. Аникин отвергает связь русского и коми *нарт* с осетинским *nartæ*, однако дает описание всего ареала употребления этого слова: ср. еще белорусское *нарт, нард* ‘упрямое, сердитое дитя или животное’, *нарт, анарт* ‘упрямый человек, который делает все по-своему’, ‘деспот, который диктует свою волю всем членам своей семьи и другим людям; упрямец’, а также, возможно, литовское *nartus* ‘норовистый, упрямый’ и пр. [АНИКИН 2000: 7-8].

Поскольку, однако, ареал изолексы *nart* совпадает с ареалом скифославянских и скифо-балтийских изоглосс, установленных В. И. Абаевым, я все же настаиваю на связи рассматриваемых европейских слов с осетинским термином *nartæ*¹⁴.

В-третьих, и это самое главное, прилагательное *næرتون* ‘нартовский; чудесный, дивный’, являющееся производным от термина *nartæ* [АБАЕВ 1945: 88; АБАЕВ 1973: 170-171], четко указывает на то, что элемент *t* принадлежит корню (или основе), а не суффиксу. Если бы рассматриваемый термин представлял собой форму множественного числа от несохранившегося **nar*, то прилагательное от него имело бы форму **naron* [ГУРИЕВ 1971: 42]. Почему же, вопреки законам осетинского языка, в прилагательном *næرتون* показатель множественности не выпал?

По мнению В. И. Абаева [1945: 88], это случилось по той причине, что в слове *nartæ* произошло полное сращение суффикса *t* с основой, подобно тому, как этот суффикс полностью сросся с основами таких слов, как *cæst* ‘глаз’, *myst* ‘мышь’ и пр.

Т. А. Гуриев справедливо указал на несостоятельность данного сравнения, так как в двух последних примерах формант *t* потерял не только словообразовательную, но и семантическую самостоятельность, а основы, с которыми он сросся, имеют грамматическое значение единственного числа. Слово *nartæ* же имеет грамматическое значение множественности. От слов *myst* и *cæst* можно образовать форму множественного числа, соответственно *myst-y-tæ* и *cæst-y-tæ*. Аналогичного образования *nart-y-tæ* не существует [ГУРИЕВ 1971: 36; ГУРИЕВ 1981: 58]¹⁵.

Однако из данного вполне обоснованного возражения Т. А. Гуриев делает неожиданный вывод об иноязычном происхождении основы *nar-*. Но это нонсенс, ибо описываемое правило распространяется и на заимствованные слова. Так, от слова *bydyr* ‘степь, равнина’, считающегося заимствованием из тюркских языков [АБАЕВ 1958: 276], имеем форму мн.ч. *bydyr-tæ* и прилагательное *bydir-on*. Форма прилагательного на *-on* с суффиксом мн.ч. (**bydyr-t-on*) совершенно недопустима, она противоречит узусу осетинского языка. Из сказанного можно сделать только один вывод, а именно, что элемент *t* в слове *nartæ* первоначально не был суффиксом множественности и лишь на каком-то этапе развития осетинского языка, контаминировавшись с суффиксом мн.ч. *-t(æ)*, приобрел это значение.

Таким образом, развитие основ *nartæ*, с одной стороны, и *myst* и *cæst* – с другой, шло по прямо противоположным путям: первая из них, будучи изначально формой единственного числа, со временем приобрела значение множественности, тогда как две другие, будучи изначально формами мн.ч., потеряли значение множественности и стали употребляться в грамматическом значении единственного числа¹⁶.

Но если в слове *nartæ* элемент *t* исторически не является показателем множественности, то каково его происхождение?

Этот элемент принято связывать с тремя разными иранскими формантами и, соответственно, мы имеем три разных этимона для слова *nart*: **nar-ta-*, **(hu-)nar-θa-*¹⁷ и **nar-θra-*. Каждая из этих форм могла привести к растяжению корневой гласной, но не каждая могла привести к рефлексу *nart*. В первой из них *t* в постсонорном положении закономерно должна была озвончиться и привести к рефлексу **nard*. Только две последние формы со своим глухим межзубным спирантом *θ* могли привести к рефлексу *nart*. И именно этим двум последним этимонам следует отдать предпочтение. Следовательно, в основе термина *nartæ* скрывается иранская основа **nara-*.

Для завершения разговора о словообразовательной истории термина *nartæ* нам придется еще раз вернуться к производной форме *nærtion* ‘нартковский’. Прилагательные на *-on* от существительных, исходящих на *-art*, в осетинском неизвестны. Обычно в роли прилагательного от основ на *-art* выступает форма родительного падежа, имеющая значение притяжательности: *art* ‘огонь’ – *arty* ‘относящийся к огню, огненный’, *sart* ‘долото’ – *sarty* ‘имеющий отношение к долоту’, *wart* ‘щит’ – *warty* ‘относящийся к щиту’ и т.п. На этом фоне пара *nartæ* – *nærtion* выглядит незаконномерной. Она напоминает крайне редкое образование от существительных с исходом на *-rd* (исторически – форма прошедшего причастия на *-ta*), ср.: *mard* ‘мертвый; мертвец, покойник’ – *mærdon* ‘мертвенный’ [АБАЕВ 1973: 98]. Это значит, что термин *nartæ* не может быть производным на суффикс **-θra-* (**nar-θra-*), т. к. от других производных на этот суффикс (*sart* ‘долото’ < **sar-θra-*, *wart* ‘щит’ < **var-θra-*), как мы видели выше, невозможно прилагательное на *-on*. Остается возможность возведения к праформе **(hu-)nar-θa-*, предложенная Ф. Корнильо (см. выше).

Обратимся теперь к семантической стороне иранской этимологии.

Начнем с того, что арийская основа **nara-* означала не только ‘самец, мужчина’, но и ‘герой’. Ср. древнеиндийское *nar* ‘человек, мужчина, муж’, ‘герой’ [КОЧЕРГИНА 1987: 316], *narya-* ‘мужской’, ‘мужественный’, ‘сильный, крепкий’, ‘человеческий’, ‘человек, мужчина’ [там же: 317], *nṛtá-* ‘герой’, авестийское *nar-*, *nər-* ‘муж, мужчина; воин, герой; отважный, храбрый’ [ВАРНОЛОМАЕ 1961: 1047-1048], *nairyā-* ‘мужской, мужского пола’ [ibid.: 1054], персидское *nar* ‘самец’, ‘мужественный, храбрый, сильный’ [РУБИНЧИК, II: 634], афганское *nar* // *nər* ‘самец, мужчина, муж’, ‘храбрец, мужественный’ [АСЛАНОВ 1985: 893], курдское *nēr* ‘самец, мужчина’, ‘крепкий, сильный’, ‘властный’ [КУРДОВЕВ, ЮСУПОВА 1982: 664] и т. п.

В этих примерах обращает на себя внимание следующее. Не только форма **nar-* (др.-инд. *nar*, авест. *nar-*, перс., афг. *nar*), но и производная от

нее форма **narya-* в древнеиндийском, а также ее рефлексы в современных иранских языках (афг. *nər*, курд. *nēr*) имеют все те значения, которые реконструируются для осет. *nartæ*. Это – ‘мужественный, герой’. Осет. *næl* также имеет весь спектр значений, отмеченных для основы **nar-*, и в этом смысле отличается от памирских соответствий, где рассматриваемая основа имеет всего одно значение – ‘самец’.¹⁸

Вопреки утверждению В. И. Абаева, семантика осетинского *næl* не лежит целиком в половой сфере. Из собственных наблюдений над употреблением данного слова в говорах Южной Осетии мы можем привести следующие фразы.

Один мужчина, пытаясь осадить своего прыткого собеседника, так обратился к нему: *Fælw-ma, am dæwæj nældær niči is!?* – «Погоди-ка, уж не считаешь ли ты себя самым крутым (букв. “самым самцом”) среди нас!?» В другом случае группа юношей, обдывая рискованное дело с другой группой молодых людей, не пожелав взять на себя ответственность принять окончательное решение, так мотивировала свой отказ: *Næ næltæ am ne sty* – «Здесь нет наших главарей(?)», букв. «наших самцов». Имелось в виду, что именно «самцы» могут принять окончательное решение.

Отмеченные значения не являются спецификой южных говоров осетинского языка. В записях проф. Б. А. Алборова находим фразу, почти идентичную последней из приведенных нами: *Næ næltæj am niči is* – «Из наших мужчин здесь никого нет» [АЛБОРОВ 1930: 252]. И хотя Б. А. Алборов дает стилистически нейтральный перевод, совершенно ясно, что и в этой фразе речь идет о «крутых» мужчинах.

Наше внимание привлекло к себе и осетинское слово *ænælæg*. В словарях современного осетинского языка оно снабжено следующими значениями: ‘без мужа’, ‘безмужняя, вдова’ [ОРС: 100; ДРС: 77]. В этом значении рассматриваемое слово является производным от словосочетания *ænæ* ‘не, без’ + *læg* ‘человек, мужчина, муж’. Но в некоторых контекстах такое толкование совершенно исключено.

В произведении осетинского писателя Д. Туаева находим следующее: *Zonyn æj, xælærttæ ragæj stæm, fælw ma bazdæxæm æmæ hæstædžytæ dær bawæm. Mæ læppu, wællæj, ænælæg næw* [ТУАТЫ 1969: 529] «Знаю, что мы с тобой давние друзья, но давай скрепим нашу дружбу еще и узами родства. Ведь мой мальчик – славный парень (букв. “не является *ænælæg*-ом”)».

Здесь слово *ænælæg* нельзя понимать как ‘без мужа’, ‘безмужняя, вдова’, иначе разбираемую фразу пришлось бы переводить так: «мой сын уже замужем». Не имея возможности похвалить собственного сына, не

нарушив этикета, герой цитируемого произведения использовал перифрастический оборот «мой сын не является (næw) лишенным мужества (ænærlæg)». Следовательно, *ænærlæg* означает ‘лишенный мужества’.

Приблизительно в этом же значении интересующее нас слово встречается у поэта А. Кодзати: *æz kæmæj ænærlæg dær dæn* «разве я хуже других» [ХЪОДЗАТЫ 2005: 128]. Здесь слово *ænærlæg* дано в форме сравнительной степени со значением ‘хуже’. Положительная степень может означать ‘плохой, никчемный’.

Следовательно, в осетинском языке имеются два омонима, один из которых означает ‘незамужняя’ и пр., и членится на *ænæ* + *læg*, а второй означает ‘лишенный мужества; никчемный’. Если бы и во втором слове скрывался компонент *læg*, то он должен был бы означать ‘мужество’. Между тем, слово *læg* не имеет такого значения. В этом значении употребляется слово *læg dzinad*. Следовательно, рассматриваемое слово имеет иную словообразовательную структуру, скорее всего *æ-næl-æg*, где *æ-* – это привативный префикс, *-æg* – распространенный суффикс, а *næl-* – ‘самец’. Таким образом, слово в целом должно означать «лишенный самцовства» или «лишенный самцовских качеств» = «лишенный мужества». Этот анализ приводит нас к скифским энареям, ибо осет. *æ-næl-æg* предполагает иранский этимон **a-narya-ka*, и точно к такому же архетипу, но без суффикса *-ka*, возводят название женоподобных мужчин у скифов, занимавшихся магией¹⁹.

Речь идет о полумужчинах или гермофродитах у скифов, которых Геродот именует *ἐνάρεις*, а Псевдо-Гиппократ *ἀνάρεις*. Обе формы, начиная с работы Цейса (1837 г.), считаются передачей скифского **a-nar-ya* ‘не мужчина, лишенный мужества, лишенный мужественности’ [АБАЕВ 1949: 151, 174; АБАЕВ 1973: 166-167; CHRISTOL 1989: 9; КУЛЛАНДА, РАЕВСКИЙ 2004: 92]. Стало быть, скифское **nar-ya* означало ‘мужчина; мужество, мужественность’. И именно эти значения, наряду со значением ‘самец’, унаследовал закономерный осетинский рефлекс *næl*.

Семантическая оппозиция скифских **a-nar-ya* ‘энарей = не мужчина’ и **nar-ya* (> осет. *næl*) ‘крутой, настоящий мужчина’ дополняется оппозицией **a-nar-ya* – **(hu-)nar-θa-* (> осет. *nart*) ‘хороший, настоящий мужчина; мужчина, наделенный доблестью’. На последнюю оппозицию указал в свое время В. А. Газзаев [1957: 221-222], однако все исследователи, за исключением Е. М. Мелетинского [2004: 165], прошли мимо данной находки.

В связи со скифским **a-nar-ya-* следует вспомнить и об авестийском *narō.vaēīrua-* ‘педерастический’, являющимся производным от несохранившегося **narō.vaēpa-* ‘педерастия’, которое, в свою очередь, содержит

в первой части авестийское *nar-* [ВАРНОЛОМАЕ 1961: 1053]. Как видим, в обоих языках мужчина, наделенный мужеством, и мужчина, лишенный мужских качеств (гермофродит, педераст), обозначаются производными от одной и той же иранской основы **nar-*. Следовательно, упомянутая оппозиция «нарт ~ энарей» может восходить к уровню восточноиранского единства.

Семантическое развитие «самец» > «(настоящий) мужчина», «мужественный», «богатырь» иллюстрируется многочисленными примерами²⁰. Ср. во французском языке *mâle* ‘самец’, ‘мужской’, ‘мужественный’, в курдском языке *kal* ‘самец’, ‘баран; бык’, ‘богатырь’ [ЦАБОЛОВ 2001: 532]. В кабардинском языке имеется слово *лыхъу* ‘отважный мужчина’, состоящее из *лы* ‘мужчина’ + *хъуы* ‘самец’ [ШАГИРОВ 1977: 258]. В языке одного из эпических сказаний фульбе (Африка) находим словосочетание *gor i worbe* [КОВАЛЬ 1990: 32], что в буквальном переводе означает «самцы мужчины (т.е. сильнейшие)» [там же: 33]²¹, а в литературном – ‘могучие воители’ [там же: 102]. Ностратическое *gändu* ‘самец’ в ряде дравидийских языков нашло следующее отражение: тамильское *kaṇṭ-an* ‘воин, муж’, каннада *gaṇḍu* ‘самец, (мужская) сила’, телугу *gaṇḍu* ‘самец; храбрость, сила’ [Иллич-Свитыч 1971: 226].

Сочетание «самец-мужчина» в значении «сильнейший мужчина», «отважный мужчина» напоминает древнеиндийское *nara-vīra* ‘герой среди мужей; мужественный человек’ [КОЧЕРГИНА 1987: 316], где *nara* – это уже знакомое нам слово. Сюда же относится осетинское *nærtan læg* ‘отважный, доблестный мужчина’.

Как видим, нет никаких семантических препятствий для возведения осет. *nartæ* к иранской основе **nar-*.

С учетом сказанного следует остановиться и на следующем утверждении В. И. Абаева: «достаточно вместо *nartæ* подставить *næltæ*, чтобы выступил весь неприглядный комизм такой этимологии» [АБАЕВ 1990: 275]. Однако если учесть все отмеченные нами семантические оттенки осет. *næl*, а также соответствующие значения родственных слов в иранских языках, то в критикуемой им этимологии, конечно же, не окажется ничего комичного. Весьма показательным, что, приводя этимологические соответствия осетинского *næl*, В. И. Абаев снабжает их только одним из их значений – ‘самец’, опуская такие значения, как ‘герой’ и пр. [АБАЕВ 1973: 166].

Наш анализ семантических связей слова *nartæ* будет неполным, если не будут упомянуты родственные осетинские слова *nard* ‘жирный, упитанный, откормленный; жир’ и *nærsyn* ‘разбухать, толстеть’. На семантическую соотнесенность понятий «жир, жирный, тучный ~ ‘герой’» ука-

зал и В. И. Абаев, обсуждая этимологическое родство осетинского *wæzdan* ‘человек благородного сословия’ с древнеиранским **wazda-* ‘жир, сало’. Связующим звеном между семантемами ‘упитанный’ и ‘герой’, по его мнению, является понятие ‘силы’ [АБАЕВ 1989: 104].

Аналогичное развитие значения отмечено и в других языках.

Ностратическое *kojNa* имеет значения ‘жирный, здоровый’ [Иллич-Свитыч 1971: 299].

Русское (диалектное) *пелун* ‘насмешливое прозвище слишком толстых людей’²², по-видимому, неотделимо от осет. *pelwan* ‘силач’, перс. *pahlavān* ‘герой, силач, борец’, о которых см. [АБАЕВ 1973: 240].

Слово *śakra* в древнеиндийском означает ‘сильный, мощный; толстый, тучный’ [КОЧЕРГИНА 1987: 632]. В «Махабхарате» это слово является аллонимом имени бога грозы, божества-воина Индры.

В русском языке глагол *порить* означает ‘толстеть, жиреть, увеличиваться’, а производными от него являются *поринье* ‘здоровье, сила’ и *порной, порный* ‘здоровый, сильный’ [ФАСМЕР, III: 329]. Ср. также русское *жировать* ‘жить роскошно, кутить, расточать’ от *жир* [ФАСМЕР, II: 56-57]; а также возможную связь между русск. *сытый* и авест. *sava-* ‘сила’ [ФАСМЕР, III: 821].

Литовское *storas* ‘толстый, объемистый’ связано по происхождению с др.-исланд. *storr* ‘большой, сильный, важный, мужественный’ [ФАСМЕР, III: 747] и осет. *styr* ‘большой, великий’ [АБАЕВ 1979: 159]. Русское *дебелый* ‘толстый, упитанный’ по происхождению связано, с одной стороны, с русск. *доболый* ‘крепкий, дюжий, плотный, здоровый’, а с другой – с русск. *доблий* ‘храбрый, доблестный’, откуда идет и слово *доблесть* [ФАСМЕР, I: 520].

В целом же слова со значением ‘толстый’, ‘тучный’, ‘жирный’, ‘большой’ часто имеют положительную коннотацию, а их антонимы – отрицательную. Иллюстрацией к сказанному может служить, с одной стороны, английское *fat* ‘жир, сало’, ‘жирный, толстый, тучный’, ‘лучшая часть чего-либо’, а с другой – русское *худой* ‘тощий’, ‘плохой’, родственное древнеиндийскому *kṣudra* ‘маленький, низкий, подлый; дурной’ [ФАСМЕР, IV: 282; Кочергина 1987: 183]. Можно привлечь и ностратическое **bora* ‘большой, хороший’, откуда идут и.-е. **bher-* ‘хороший, большой’, уральское **para* ‘хороший’, дравидийское **par-* ‘большой’, алтайское **bara* ‘много’. Древнейшим значением этого слова считается ‘большой’, а значение ‘хороший’ – его дериватом [Иллич-Свитыч 1971: 175-176]²³. Ср. также эволюцию значения от ‘толстый, большой’ к ‘главный, первый’ на алтайской почве [там же: 183].

Любопытно, что в языке осетинского эпоса все еще проступает связь между семантическими полями слов *nartæ* и *nard* ‘жирный’.

В сказании, повествующем о том, как нарты попали в плен к великанам и чудом от них спаслись, могучее телосложение нарта Сослана (Созырыко) воспринято великанами, намеревавшимися съесть героя, как показатель его «жирности»: «Великаны поставили на огонь громадный котел с водой и, выбрав Созирко, как самого жирного, судя по его красной шее, хотели уже зарезать» [СМОМПК, VII, 2: 33]. В пьесе Д. Туаева, написанной по мотивам нартовского эпоса, этот же эпизод изложен так: великаны выбрали в качестве наиболее «жирного» (*narddæŕ*) нарта Хамица, у которого был «красный затылок» (*syŕx k'æbut*) [ТУАТЫ 1969: 307].

Согласно другому сказанию, наличие красной шеи (*syŕx bærzæj*) является характерной чертой всех нартов [ХИФ 1940: 120], что вряд ли свидетельствует о поголовной «жирности» нартов.

В этих сказаниях слово «жирный», несомненно, тождественно понятиям «сильный, мощный». И в этом значении «жирные» нарты ничем не отличаются от «толстого» Индры.

Обратимся теперь к последнему аргументу В. И. Абаева против иранской этимологии. Как полагал осетинский ученый, центральной фигурой нартовского эпоса является женщина, Сатána, поэтому эпос не может носить обобщенное название «мужчины». Этот довод также не выдерживает критики. В литературе уже указывалось на то, что В. И. Абаев несколько преувеличил роль героини Сатány в жизни нартов [ДЖУСОЙТЫ 2005: 142]. Но дело даже не в этом.

В случае принятия иранской этимологии значение рассматриваемого термина будет не «мужчины», а ‘герой, мужчина-воин’, что «примерно соответствует значению “сыны Калевы” в карело-финском эпосе» [МЕЛЕТИНСКИЙ 2004: 165].

В текстах содержатся прямые указания на то, что под нартами имеются в виду, прежде всего, представители рода воинов *Æxsærtæggatæ* [ГУРИЕВ 1971: 87-89; ГУРИЕВ 1982: 22; ГУРИЕВ 1991: 102-103; ГАГЛОЙТИ 1989: 12-13]. Об этом говорит и появление такой формы названия рода воинов, как *Æxsnærtæggatæ* [МИЛЛЕР 1881: 62, 72; ИАС, I: 69], представляющей собой контаминацию термина *nartæ* с родовым именем *Æxsærtæggatæ* [ДЮМЕЗИЛЬ 1976: 176; ДЗИЦКОЙТЫ 1992: 17]. Таковую же контаминированную форму находим и в адыгской версии нартовского эпоса – *Axsnartuŕo* [ГАГЛОЙТИ 1989: 18].

Следовательно, термин *nartæ*, означающий в современном употреблении ‘богатыри’, ‘герои’, первоначально был наименованием исключительно касты воинов или, если быть точнее, аллонимом этой касты и

лишь со временем стал обозначать героев эпоса в целом. Справедливость данного вывода видна и из анализа других текстов.

Нарты имели обыкновение собираться на бражничанье в доме Алагата. Это были типичные собрания воинов, куда женщинам был заказан путь. Иногда собрания сопровождались плясками, в которых участвовали наиболее выдающиеся нарты (*narty dombæjttæ*). Но однажды жена уговорила нарта Хамица привести ее на собрание нартов. Зная о запрете, Хамиц не рискнул представить свою жену нартовским воинам, но положил ее в карман (благо она была женщина-лягушка и легко туда вместилась) и тайно принес на собрание. Вездесущий нарт Сырдон узнал об этом и раскрыл эту тайну перед всеми нартами. Опозоренный Хамиц ретировался.

В данном сказании нас интересует формула проклятия, с которой Сырдон обрушился на нартов: *Fesæftystut, nart, babyn stut, nart! Axsævæj fæstæmæ nart nart nal u, sylldzu kwu ssi, wædæj fæstæmæ (...)* *Ærtækkæ Hæmcy dzyppæj Agwyndy skasti, æmæ am sylty æmbyrd u, ævi cy!* «О нарты, пришла ваша гибель! О нарты, наступил ваш конец! Начиная с сегодняшней ночи, после того, как (собрание нартов) посетила женщина, нарты перестают быть нартами. Я видел, как только что из кармана Хамица выглянула Агунда, но ведь здесь не место собрания женщин!» [ОРФ, п. 23, д. 56 (бр. I), л. 57-59].

В этом отрывке весьма показательно противопоставление терминов *nart* и *syl* ‘самка, женщина’ (последнее слово в *sylldzu* ‘(место,) куда вхожи женщины’), а также подразумевающееся *narty æmbyrd* ‘собрание нартов’ упомянутому открытым текстом *sylty æmbyrd* ‘собрание женщин’. Отсюда видно, что под нартами отнюдь не имелось в виду общество в целом, а лишь выдающиеся воины и посвященные мужчины. Об этом же говорит контекст сказания: как только дом нартов (= мужской дом) оскверняет своим посещением женщина, нарты перестают быть нартами, т.е. воинами, героями.

В другом варианте цитированного сказания противопоставлены *us* ‘женщина’ и *læg* ‘мужчина’. Увидев женщину на собрании нартов, Сырдон так выразил свое возмущение: *Aj ustyty æmbyrd u, ævi lægty æmbyrd?!* «Что это такое – собрание женщин или собрание мужчин?!» [ОРФ, п. 135, д. 348, л. 18]²⁴.

Совершенно ясно, что в этих текстах термин *nartæ* выступает в качестве синонима термина *lægtæ* ‘мужчины’. А дом Алагата – это типично мужской дом [МЕЛЕТинский 1957: 70], доступ в который, как это наблюдается и в других архаических обществах, «под страхом смерти был запрещен женщинам и непосвященным» [ПРОПП 1986: 112-114]. Имея в виду эти и подобные тексты, Я. С. Смирнова уже давно пришла к выводу

о том, что собрание нартов является «собранием боеспособных мужчин-воинов, вооруженного народа, а может быть уже даже и части его – испытанных воинов-дружинников» [Смирнова 1959: 63].

В цитированном сказании исходная семантика термина *nartæ* выступает настолько ярко, что вывод о том, что центральной фигурой эпоса является женщина, представляется неубедительным. Более справедливым следует признать другой вывод: нартовский эпос посвящен прославлению героических подвигов представителей рода воинов Ахсартаггата [АБАЕВА 1985: 118; ЧОЧИЕВ 1996: 52-53]. Точнее было бы сказать, что нартовский эпос посвящен, во-первых, борьбе с внешними врагами (прежде всего великанами), а во-вторых – борьбе за власть. Первые поколения нартов ведут борьбу исключительно с внешними врагами, тогда как, начиная с третьего поколения, основная борьба ведется за власть внутри нартовского общества [ДЗИЦКОЙТЫ 2005: 4-15]. Род воинов Ахсартаггата играет выдающуюся роль именно во второй группе сказаний. Отсюда ясно, почему нартовский эпос в своей существенной части посвящен роду воинов и почему воин-нарт играет в нем столь важную роль.

Резюмируя сказанное, историю термина *nartæ* можно представить в следующем виде. Будучи в своей основе обозначением мужчины с ярко выраженными мужскими качествами, термин *nartæ* со временем стал названием группы наиболее выдающихся эпических героев, выступающих в эпосе под родовым названием *Axsartæggataæ*. Но со временем семантика термина *nartæ* расширилась, и он стал обозначать народ в целом. Первоначально же, как мы пытались показать в другой работе, нартовский народ в целом обозначался фамильным именем *Borætæ*, так как все нарты были потомками героя, носившего имя *Boræ* [ДЗИЦКОЙТЫ 2005: 14].

Тот факт, что термин *nartæ* был синонимом фамильного имени *Axsartæggataæ* и, стало быть, названием носителей второй индоевропейской функции (в понимании Ж. Дюмезиля), полностью сближает осетинский материал с авестийским и умбрским. По авторитетному мнению Хр. Бартоломе, в Авесте термин *nar-* является еще и наименованием сословия (пиштры) воинов и в этом качестве означает ‘воин’, ‘рыцарь’ [ВАРНОЛОМАЕ 1961: 1048]. Этот же ученый сопоставил авестийское *nar-* с умбрским *nerf* (< *ner-f*), представляющим собой форму аккузатива мн.ч. от основы *ner-*. В тексте, описывающем три индоевропейские функции, умбрское *nerf* является названием носителей второй функции (т.е. воинов и полководцев) [ВАРНОЛОМАЕ 1961: 1053; см. также: БЕНВЕНИСТ 1995: 194-195]. Таким образом, осетинская традиция обозначать касту воинов производным от и.-е. основы **ner-* (= осет. *nartæ*) уходит корнями в индоевропейскую древность.

Возникает вопрос: почему ученый такого масштаба, как В. И. Абаев, мог так небрежно обращаться с исторической фонетикой? Почему он пренебрег исторической морфологией, однозначно указывавшей на невозможность вычленения в интересующем нас термине суффикса множественности на диахроническом уровне? Как он мог пройти мимо тех значений иранской основы **nar-*, которые сближают ее со значением термина *nartaē*?

Ответ на эти вопросы вполне очевиден. В. И. Абаев был одним из немногих компаративистов, смело обращавшихся для этимологических целей к данным этнологии. Так получилось, что интерес В. И. Абаева к истории нартовского эпоса совпал по времени с исследованиями ряда мифологов о небесном (солнечном) происхождении первых людей на земле или основателей правящей династии. В частности, Н. Я. Марр активно разрабатывал гипотезу о наличии в самоназваниях различных народов мира семантемы ‘дети неба’ или ‘дети солнца’, на которого и ссылается В. И. Абаев [АБАЕВ 1945: 88 и сл.]. Следуя этой гипотезе, В. И. Абаев даже этноним «арий» считал дериватом слова, означающего «дети неба» [АБАЕВ 1949: 17]. Правда, под давлением фактов (собранных в основном в работе П. Тиме) он вынужден был отказаться от последней гипотезы [АБАЕВ 1995: 671-676]. Однако гипотеза о наличии в термине *nart* семантемы «дети солнца» настолько увлекла В. И. Абаева, что он подчинил морфологический анализ семантическому, а фонетический анализ – морфологическому. И с этой явно ошибочной монгольской этимологией он не расстался даже под напором фактов.

Следует заметить, что В. И. Абаев пытался подкрепить свою этимологию термина *nart* ссылкой на информацию этнографа Г. Ф. Чурсина, записанную в Южной Осетии: «Когда-то у солнца были дети – богатыри нарты» [ЧУРСИН 1925: 80]. Однако это сообщение вряд ли имеет ценность для этимологии термина *nart*. Дело в том, что ни в одном из опубликованных, а также и архивных текстов нарты ни разу не называются детьми солнца. В связи с этим возникают сомнения в достоверности информации Г. Ф. Чурсина. Нам представляется, что ее происхождение можно объяснить вне всякой связи с этимологией термина *nart*. Обращаем внимание исследователей на наличие среди старшего поколения нартов героя по имени *Xuro* [ИАА, III: 48-50; НК, I: 281-283]. Это имя является производным от апеллятива *xur* ‘солнце’ и означает ‘Солнце’, ‘Солнышко’ [ДЗИЦЦОЙТЫ 2003: 88-89].

Хуро в этих текстах представлен в качестве самого древнего нарта, хотя в генеалогическом древе нартов о нем нет упоминаний. Неясны его происхождение и родственные связи с другими нартами, однако два об-

стоятельства дают основание полагать, что в древнейшей редакции нартовского эпоса этот герой рассматривался в качестве родоначальника (или одного из родоначальников) нартов.

Во-первых, во втором из цитированных текстов Хуро передает нарту Урузмагу право управлять нартами, а также дарует бессмертие героям Сатане и Урузмагу. Это указывает на божественную природу героя Хуро, а миф, в котором он упомянут, подтверждает следующее наблюдение А. З. Кубалова: «О смерти Урузмага и Сатаны, при самых упорных разысканиях, песни ничего не говорят» [КЪУБАЛТЫ 1978: 177]. Напомним, что все остальные великие нарты погибают.

Образ нарта Хуро и связанный с ним миф находят параллель в древнеиндийской мифологии. Хорошо известно, что ведийские боги первоначально были смертны. Бессмертие им даровали боги Савитар или Агни, либо они приобрели его сами, выпив напиток бессмертия сому [MACDONELL 1897: 17]. Нет сомнения, что Хуро типологически и генетически родственен ведийским богам Савитару и Агни. При этом надо учесть, что теоним *Savitár* – это название солнца до его восхода (после восхода солнце именуется Сурьей, т.е. просто «Солнцем») [MACDONELL 1897: 33]. Божество Агни является покровителем священного огня и в целом также связано с солнцем. Таким образом, древнеиндийским божествам бессмертие дарует бог Солнца, подобно тому как нартовским героям, Урузмагу и Сатане, бессмертие даровало «солнышко». Следовательно, у нарта Хуро, с одной стороны, и Савитара и Агни – с другой, один и тот же общеарийский предок, а рассматриваемый нартовский сюжет уходит корнями в общеарийскую эпоху. С учетом сказанного, герой Хуро оказывается не столько родоначальником нартов, сколько воплощенным божеством солнца. Но поскольку герои-цивилизаторы едва ли не во всех мифологических традициях являются и «детьми солнца», и родоначальниками племен и народов [АЛЬБЕДИЛЬ 2002: 154-157], не исключено, что и нарт Хуро считался родоначальником нартов. Именно миф о Хуро и мог послужить источником предания о родстве нартов с солнцем, записанного Г. Ф. Чурсиным.

Во-вторых, картвельский эпос об Амиране, основа которого, как мы пытались показать [Дзицойты 2003], восходит к скифской версии ядра нартовского эпоса, дает еще одно подтверждение нашей гипотезы. В одном грузинском (гурийском) тексте об Амиране и его братьях сказано: *samni dzmanis xuros švilis* [МА: 348], что допускает двоякое толкование. В грузинском языке слово *xuro* означает ‘плотник’, поэтому смысл фразы можно передать как «трех братьев, сыновей плотника». Но возможен и перевод «трех братьев, сыновей Хуро». Поскольку в подавляющем боль-

шинстве картвельских сказаний отцом Амирана и его братьев является кузнец или охотник, а фигура плотника тут совершенно неуместна, приведенную фразу мы перевели как «трех братьев, сыновей Хуро» [Дзиццойты 2003: 88-89]. Поразительное по точности совпадение данного имени с именем нартовского героя не может быть интерпретировано иначе, как заимствование из осетинского фольклора в грузинский. И хотя мифологическая атмосфера, окружавшая данного героя в осетинском фольклоре, на грузинской почве полностью утрачена, сохранилось указание на место Хуро в генеалогической таблице – он отец главных героев.

Дошедшие до нас фрагменты скифского эпоса в записи Геродота (IV, 5-6) подтверждают этот вывод. Как известно, скифы считали своими родоначальниками героя по имени Таргитай и трех его сыновей – Липоксяя, Арпоксяя и Колаксяя. С неба им были ниспосланы золотые предметы – плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша. Два старших брата не смогли завладеть ими, так как при их приближении золото загорелось синим пламенем. Но когда к священным предметам приблизился младший из братьев, Колаксай, огонь погас, и Колаксай завладел ими, а вместе с этим и правом управлять в Скифии.

Нет сомнений, что в этой легенде священные предметы посланы божеством Солнца, отчего они золотые и пылают огнем. Герой Колаксай также имеет связь с солнцем. Об этом говорит прежде всего имя героя, греческая передача которого *Κολάξαις*, по мнению В. И. Абаева, поддержанного некоторыми другими исследователями, отражает скифское **Xola-xšaya-* и восходит к древнеиранскому **Xvarya-xšaya-* «Солнцедарь» [АБАЕВ 1949: 189, 243; АБАЕВ 1995: 331; ГРАНТОВСКИЙ 1960: 7, 19-20; РАЕВСКИЙ 1977: 63; IVANTCNIK 2002: 258-259; ДЗИЦЦОЙТЫ 2003: 116]. Достоверность данной этимологии подтверждается тем, что в иранских языках четко прослеживается связь между понятием «(солнечное) сияние» и «власть», ср. др.-иран. *xšaya-* ‘сиять; властвовать’ [АБАЕВ 1949: 64, 189, 197; АБАЕВ 1989: 234, 236]²⁵.

Параллели между образом нарта Хуро и скифского Колаксяя очевидны: оба героя имеют связь с солнцем; оба героя наделены властью. Отсюда легко можно сделать вывод о генетической зависимости образа нарта Хуро от образа скифского Колаксяя. Поскольку скифский герой являлся также и легендарным родоначальником земных скифских царей, следует заключить, что аналогичную роль мог выполнять в прошлом и нарт Хуро. Таким образом, указание информанта на связь нартов с солнцем можно интерпретировать без обращения к монгольскому языку и фольклору.

Можно привести и экстралингвистические возражения против монгольской этимологии. В работе, впервые опубликованной в 1977 г., В. И. Абаев разделил историю осетинского языка на три этапа: 1. Скифо-европейский (1-е тысячелетие до н.э.). 2. Алано-кавказский (от первых веков н.э. до монгольского нашествия). 3. Собственно осетинский (от монгольского нашествия до наших дней) [АБАЕВ 1995: 291-293; ср.: 588-589]. Данная стратификация признана удачной [ИСАЕВ 1987: 544] и может быть принята нами с некоторыми оговорками. Совершенно убедительным представляется нам заключение В. И. Абаева о том, что в постмонгольское время осетинский язык потерял свой престижный потенциал и перестал оказывать влияние на языки соседних народов.

Данный вывод В. И. Абаева полностью опровергает его же гипотезу о монгольских влияниях на язык осетинского эпоса. Дело в том, что все предполагаемые монголизмы в языке осетинского эпоса встречаются и в языках народов Кавказа, знающих нартовский эпос. Следовательно, если даже допустить, что в эпоху монгольских нашествий на Кавказ, имевших катастрофические последствия для осетин, последние вместо того, чтобы проклинать виновников своей трагедии, принялись перекраивать свой эпос по образцу монгольских сказаний, то и в этом случае нет абсолютно никаких оснований полагать, что осетины, язык которых лишился своего престижного потенциала, смогли приобщить к новой редакции своего эпоса народы Кавказа от Абхазии до Дагестана. Одно из двух: либо осетинский язык все же не лишился своего престижного потенциала и все еще оказывал влияние на языки соседних народов, либо он лишился его и тогда всякие разговоры о монгольских влияниях следует прекратить как ненаучные.

Последнее представляется наиболее вероятным, причем, как нам уже приходилось отмечать, нет ни одного фольклорного памятника, надежно датированного монгольской эпохой, который получил бы общеосетинское распространение [ДЗИЦЦОЙТЫ 1999: 154-158]. Вспомним о преданиях об Аксактемуре, под которым скрывается Тимурленг, и о полной трагизма истории одного из сел плоскостной Дигории, население которого было вырезано (Задалески нана). Эти предания получили общеосетинское звучание только в XX веке книжным путем. Их распространение на всю Осетию фольклорными путями оказалось невозможным. Но если фольклорные произведения, основанные на трагических фактах своей истории, не достигали значительной части территории Осетии, то могли ли распространиться от моря и до моря сюжеты и ономастика, заимствованные у монголов? И что могло подвигнуть кавказские народы на переименование отдельных героев и нартов в целом по осетин-

ско-монгольскому образцу, и куда девались их прежние наименования? Почему они не сохранились хотя бы в одном варианте того или иного сказания, хотя бы в одной из национальных версий? Ответа на эти вопросы не видно.

Несостоятельность монгольской этимологии видна и из признания В. И. Абаевым связи между осетинским термином *nartæ* и хакасским *nartpak* 'богатырская сказка' – аргумента, выдвинутого им против кавказского происхождения рассматриваемого термина (см. выше). Но, поскольку В. И. Абаев и Т. А. Гуриев видят в элементе *t* только показатель множественности в осетинском, данный аргумент работает и против их монгольской этимологии, так как хакасское слово пришлось бы признать заимствованием из позднеосетинского. Совершенно ясно, что хакасское слово, если оно действительно связано с осетинским, могло быть усвоено только из скифского или сарматского. Из этого же источника, как мы пытались показать выше, могли быть усвоены коми-зырянское *нарт*, русское *нарт* и пр. Таким образом, для монгольских влияний не остается никаких реально-исторических условий.

Неудивительно, что в научной литературе вывод о монгольском влиянии на язык осетинского эпоса подвергнут обстоятельной критике [Чичеров 1952: 409; Смирнова 1957: 86; Смирнова 1959: 64-65; Гаглойти 1965: 101; Гаглойти 1977: 46 и сл.; Кузнецов 1980: 20 и сл.; Дзиццойты 1992: 140, 150, 193, 197-200, 230-231; Туаллагов 2001: 48, 69 и сл., 83, 88, 94, 121, 131].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитирую по [АБАЕВ 1973: 159].

² Судя по этимологическому словарю А. К. Шагирова, в адыгских и нахско-дагестанских языках нет ни одного родственного слова, начинающегося с фонемы *n* [ШАГИРОВ 1977: 273-289].

³ Библиографию см. в [АБАЕВ 1973: 159]. См. также [АБАЕВ 1945: 18; АБАЕВ 1990: 264-267; ГУРИЕВ 1971: 22-38]. Среди тех, кто принял иранскую этимологию в начале 30-х годов прошлого столетия, был и осетинский литературовед А. А. Тибилев [1988: 238].

⁴ К сожалению, тезисы доклада Т. Н. Пахалиной изложены слишком кратко, но о позиции российского ираниста мы судим, исходя из ее выступления на международной научной конференции «Осетиноведение: история и современность» (Владикавказ, 16 октября 1991 г.).

⁵ В числе тех, кто принял иранскую этимологию, был и автор этих строк [ДЗИЦЦОЙТЫ 1992: 28-29]. Настоящая статья основана на положениях, выдвинутых в этой работе.

⁶ Недавно была высказана вполне убедительная гипотеза о том, что переход **r > l* перед *i* характерен и для языка киммерийцев (VII в. до н.э.) и, стало быть, киммерийский диалект близок, с одной стороны, к языку той группы скифов, со слов которых Геродот записал генеалогическую легенду, а с другой – к осетинскому [IVANTCHIK 2002: 263].

⁷ Что касается происхождения топонима *Nar*, то его, на наш взгляд, следует отделить от термина *nartae* и связать с основой **ner-* // **nar-*, «выступающей в ряде старых европейских названий проточных вод, рек»: древнепрусское *Narus*, литовское *Na ŕpė*, иллирийское *Nárow*, русское *Неретва* и т.п. [ТРУБАЧЕВ 1971: 51].

⁸ Говоря о других случаях отражения иранской **r* в виде осетинской *l*, М. И. Исаев приводит и примеры типа *calx* ‘колесо’, *sald* ‘мерзлый’, *aly* ‘каждый’ и пр., ссылаясь при этом на «Скифо-европейские изоглоссы» В. И. Абаева [ИСАЕВ 1987: 563]. Между тем, к числу скифо-европейских изоглосс у В. И. Абаева отнесено только слово *sald*, тогда как два других слова он объясняет именно в связи с переходом др.-иран. **ry > осет. l*. М. И. Исаев заимствовал рассматриваемый список слов из работы В. Ф. Миллера [1882: 89], для которого происхождение *l* из **r* в данном случае осталось загадочным. Неясно, по какой причине М. И. Исаев решил привести сомнения В. Ф. Миллера со ссылкой на работу В. И. Абаева.

⁹ Другая этимология этого слова у В. И. Абаева [1973: 170]: «из отрицания *nae*, глагольного корня *raem-* и суффикса *-on*». К образованиям этого же типа В. И. Абаев относит слова *nae-dzaer-on* ‘избегающий совместной жизни’, *nae-bæzz-on* ‘негодный’, *naewun-on* ‘ненавистный’. Однако в большинстве этих слов налицо префикс *aenae-*, инициальная гласная которого подвержена редукции. Редукция в этом префиксе произошла относительно недавно, поэтому в сознании говорящих еще чувствуется связь неполной формы с полной. Слово *naedzaeron* в словарях осетинского языка дано в двух формах: *naedzaeron* и *aenadzaeron* [ОРС: 98, 304; ДРС: 75, 381]. Слово *naebæzzon* также, несомненно, имело полную форму *aenabæzzon*, которая отражена как минимум в одном из словарей [ИОД: 102]. Слово *naewunon* же в словарях представлено только в форме *aenawunon* [ОРС: 106; КРОС: 247; ДРС: 82; ИОД: 112; ДЗАБИТЫ 2003: 53]. Форму *aenawunon* восстанавливает и В. И. Абаев [1973: 175], однако это опровергает его догадку о наличии в перечисленных словах глагольного отрицания *nae*. Что касается слова *naeraemon*, то оно, начиная со словаря В. Ф. Миллера [ОРНС, II: 845], встречается исключительно в этой форме и нет никаких оснований полагать, что когда-то существовала форма **aeneraemon*. Следовательно, у этого слова другое словообразование, что заставляет нас отдать предпочтение этимологии Г. Бейли.

¹⁰ Для отражения иранской группы **-kt-* в осетинском и в виде *-xt(-)*, и в виде *-γd(-)* сравните, помимо пары *taxt// tayd*, еще иронское *сuxt*, кударское *šuxt*, дигорское *ciγd* ‘сыр’ из иранского **tikta-* [МИЛЛЕР 1887: 151; АБАЕВ 1958: 328; CHRISTOL 2003: 87].

¹¹ Ср. этимологически родственное *kærd-yn* ‘резать’ из **kart-* [АБАЕВ 1958: 571, 584].

¹² Возможны и аблаутные варианты образования форм множественности: *car* ‘потолок’ *caerttæ*, *xædzar* ‘дом’ – *xædzærttæ* и т. п.

¹³ Для восприятия образа грозного нарта предками зырян и частью восточных славян ср. восприятие этих же нартов предками вайнахов: «нарты, или нарт-орстхойцы (...) в народном представлении преимущественно воспринимаются отрицательно, как угнетатели (грабители и насильники)» [ДАЛГАТ 1972: 110].

¹⁴ В последнее время проблема скифо-славянских и скифо-балтийских изоглосс стала привлекать к себе все больше внимания [ПАХАЛИНА 1983: 9; CHRISTOL 1989: 22, 31-33, 47-50; ГОЛАВ 1994; ДЗИЩОЙТЫ 1998; SHEUNG 2000: 7]. О скифо-славо-балтийской изоглоссе «вейяс-вий-вайю», установленной В. И. Абаевым, подробно и очень убедительно см. в [ВАСИЛЬКОВ, РАЗАУСКАС 2003: 24-46].

¹⁵ Несуществующая в осетинском языке форма мн.ч. *narttæ*, которую приводит Н. Г. Джусойты [2005: 142], заимствована из одной крайне ненадежной публикации нартовских текстов [газета «Советон Ирыстон», № 109 от 7. 06. 1989, с. 3]. Текст, о котором идет речь, записан из уст человека, слишком плохо владеющего осетинским языком. Другие тексты, записанные со слов данного информанта, хранятся в [Архив ЮО НИИ. Ф. 4, оп. 1, д. 84. СС. 2, 3, 11, 43, 61, 126, 177]. В них также находим форму *narttæ*.

¹⁶ Недавно были высказаны вполне обоснованные сомнения относительно трактовки элемента *t* в слове *myst*. В дигорском диалекте находим другой вокализм – *mistæ*. Поскольку иранский этимон этого слова имеет форму **mūš-*, при трактовке элемента *t* как показателя множественности изменения в вокализме остаются необъясненными. Учитывая развитие иран. **sč* > *st* в осетинском (ср. *festæ* ‘за, позади’ из иран. **pasča*), Дж. Чёнг восстанавливает этимон осетинского *myst* // *mistæ* в виде **muš-čī-ā*, где *čī-* – это распространенный в иранских языках суффикс. Под влиянием гласной этого суффикса и произошло изменение в вокализме корня [SHEUNG 2000: 128-129, 206]. Справедливость данного вывода видна и из того, что в дигорском слове *dælmusti* ‘под мышкой’ имеем форму локатива от **dælmustæ* ‘подмышка’, т. е. образования на базе *dæl* ‘под’ и несохранившегося самостоятельно **mus-tæ* ‘мышцы’, производного от той же иран. основы **mūš-* ‘мышь’ [АБАЕВ 1958: 354-355]. Форма множественного числа **mus-tæ* ‘мышцы’ отличается по вокализму от формы единственного числа *mistæ* ‘мышь’ (из **muš-čī-ā*). Отсюда видно, что от сопоставления *nartæ* с *myst* и *caest* следует полностью отказаться.

¹⁷ Учитывая форму *nartæ*, Ф. Корнильо восстанавливает этимон с долгим конечным **-ā*: **hu-nar-θā-* (см. выше). Но данная форма могла привести только к рефлексу **nartæ*. Для растяжения гласной корня нужно, чтобы следующие за ней согласные занимали конечную позицию. Этому условию отвечает форма **hu-nar-θa-*, конечная краткая гласная которой непременно должна была отпасть. Конечная долгая **-ā* же не отпадала, а переходила в *-æ*. В современной осетинской форме *nartæ* конечная гласная явно вторичного происхождения.

¹⁸ Ср. язгулямское *nar* [ЭДЕЛЬМАН 1971: 166], сарыкольское *ner* [ПАХАЛИНА 1971: 112], шугнанское *nar, nīr* [КАРАМШОЕВ 1991: 282, 319], мунджанское *nār* [ГРЮНБЕРГ 1972: 331], для которых словари дают одно-единственное значение ‘самец’.

¹⁹ Форма **naryaka-* реально существовала, к ней восходит согдийское (манихейское) *nyrk* (**nirk*) ‘самец’ [ЛИВШИЦ, ХРОМОВ 1981: 379].

²⁰ Напротив, из значения ‘самка’ нередко развивается значение ‘трус’. Так, общекартвельское **zura-* ‘самка’ в чанском дало *zura-* ‘самка’, а в мегрельском – *zura-* ‘трус’ [КЛИМОВ 1964: 89]. Грузинское *dedali* означает ‘самка; курица; баба; трус’, отсюда *dedloba* ‘трусость’.

²¹ По любезному сообщению Антонины Ивановны Коваль, возможен также буквальный перевод «самцы из мужчин».

²² У М. Фасмера [III: 230] без этимологии.

²³ В данной словарной статье отсутствует индоиранский материал, но ср. осет. *baer* ‘много’.

²⁴ Как на другой пример противопоставления понятий «мужчина/самец» ~ «женщина/самка» в идеологии нартовского общества А. Р. Чочиев указывает на противопоставление нартов герою Сырдону, имя которого он считает производным от иранской основы **strī* ‘самка, женщина’ [ЧОЧИЕВ 1996: passim]. Но иранское **strī* не могло дать в осетинском языке рефлекс в виде *Syrd(on) \ Sird(on)*. К сожалению, на этой ошибочной этимологии А. Р. Чочиев построил концепцию о дуально-родовой организации общества нартов, настаивая на том, что в основе нартовского эпоса лежит конфликт полов. В этой же работе содержатся и другие ошибки и натяжки, на что мы указали в своей рецензии [ДЗИЦКОЙТЫ 1997].

²⁵ Цитированная этимология имени Колаксай подвергнута критике со стороны С.В. Кулланды. Автору этих строк брошен упрек в использовании «заведомо неверных этимологий имен персонажей скифского мифа» [КУЛЛАНДА 2006: 203-204]. Однако ни аргументы против этимологии В. И. Абаева, ни гипотеза о принадлежности скифского языка к юго-восточной подгруппе иранских языков, отстаиваемая С. В. Кулландой, не кажутся нам убедительными, см. [ДЗИЦКОЙТЫ 2003: 197, прим. 803; DZITSTSOJTY 2007: 11-12].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АБАЕВ 1927 – АБАЕВ В. И. Осетинские термины: *igon, allon* // Яфетический сборник. Вып. V. С. 105-108.

АБАЕВ 1945 – АБАЕВ В. И. Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. X. Вып. 1. Орджоникидзе.

АБАЕВ 1949 – АБАЕВ В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л.

- АБАЕВ 1958 – АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л.
- АБАЕВ 1973 – АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л.
- АБАЕВ 1979 – АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л.
- АБАЕВ 1989 – АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л.
- АБАЕВ 1990 – АБАЕВ В. И. Избранные труды. Т. I. Владикавказ.
- АБАЕВ 1995 – АБАЕВ В. И. Избранные труды. Т. II. Владикавказ.
- АБАЕВА 1985 – АБАЕВА З. В. Легенды и сказания о происхождении скифов и нартов // Известия ЮО НИИ. Вып. XXVII. Тбилиси.
- АЛБОРОВ 1930 – АЛБОРОВ Б. А. Термин "Нарт" (К вопросу о происхождении нартовского эпоса). Владикавказ.
- АЛЬБЕДИЛЬ 2002 – АЛЬБЕДИЛЬ М. Ф. В магическом круге мифов. Спб.
- АНИКИН 2000 – АНИКИН А. Е. Славянская лексика на неславянском фоне. Этимологические заметки (1-7) // Этимология 1997-1999. М.
- АСЛАНОВ 1985 – АСЛАНОВ М. Г. Афганско-русский словарь (пушту). М.
- БАДЕР 2005 – БАДЕР Ф. [рец. на:] *Nartamongae. Vladikavkaz-Paris, 2002, vol. I, № 1 // Nartamongae. Vladikavkaz-Paris, vol. III, № 1-2, p. 219-222.*
- БЕНВЕНИСТ 1965 – БЕНВЕНИСТ Э. Очерки по осетинскому языку / Пер. с франц. М.
- БЕНВЕНИСТ 1995 – БЕНВЕНИСТ Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с франц. М.
- БОГОЛЮБОВ 2000 – БОГОЛЮБОВ М. Н. Василию Ивановичу Абаеву к Торжественному дню // «Вопросы языкознания», № 6.
- ВАНЕЕВ 1990 – ВАНЕЕВ З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Т. II. Цхинвал.
- ВАСИЛЬКОВ, РАЗАУСКАС 2003 – ВАСИЛЬКОВ Я. В., РАЗАУСКАС Д. Балтийский ключ к проблеме Вия-Вайю // *Scripta Gregoriana. Сборник в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина. М.*
- ГАГЛОЙТИ 1965 – ГАГЛОЙТИ Ю. С. К изучению терминологии нартского эпоса // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Вып. XIV. Цхинвал.
- ГАГЛОЙТИ 1977 – ГАГЛОЙТИ Ю. С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвал.
- ГАГЛОЙТИ 1989 – ГАГЛОЙТИ Ю. С. Трехфункциональное деление в этнической культуре осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе.
- ГАЗЗАЕВ 1957 – ГАЗЗАЕВ В. А. [краткое изложение содержания доклада, читанного на конференции по нартовскому эпосу] // *Нартский эпос. Орджоникидзе.*
- ГАМКРЕЛИДZE, ИВАНОВ 1984 – ГАМКРЕЛИДZE Т. В., ИВАНОВ Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II. Тбилиси.

- ГЕРЦЕНБЕРГ 1981 – ГЕРЦЕНБЕРГ Л. Г. Хотаносакский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М.
- ГЕРШЕВИЧ 1990 – ГЕРШЕВИЧ И. Отмечая 90-летие со дня рождения сэра Гарольда Бейли // Вестник древней истории, № 4.
- ГРАНТОВСКИЙ 1960 - ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Индо-иранские касты у скифов. М.
- ГРЮНБЕРГ 1972 – ГРЮНБЕРГ А. Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык: тексты, словарь, грамматический очерк. Л.
- ГУРИЕВ 1971 – ГУРИЕВ Т. А. К проблеме генезиса осетинского нартовского эпоса. Орджоникидзе.
- ГУРИЕВ 1981 – ГУРИЕВ Т. А. Антропонимия осетинского нартовского эпоса. Орджоникидзе.
- ГУРИЕВ 1982 – ГУРИЕВ Т. А. Проблемы Нартиады. Орджоникидзе.
- ГУРИЕВ 1991 – ГУРИЕВ Т. А. Наследие скифов и алан. Владикавказ.
- ДАЛГАТ 1972 – ДАЛГАТ У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М.
- ДЖИОЕВ 1982 – ДЖИОЕВ Х. С. К вопросу о происхождении термина «нарт» // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик.
- ДЖОНУА, КЛИМОВ 1985 – ДЖОНУА Б. Г, КЛИМОВ Г. А. К индоиранизмам в языках Северо-Западного Кавказа (абхазские данные) // Известия АН СССР, серия ЛЯ. Т. 44, вып. 2.
- ДЖУСОЕВА, ТМЕНОВ 1992 – ДЖУСОЕВА К. Г., ТМЕНОВ В. Х. Некоторые проблемы исторической этнографии осетин в свете лингвистических данных (к вопросу о семантической интерпретации топонима «Нар» в осетинском языке) // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ.
- ДЖУСОЙТЫ 2005 – ДЖУСОЙТЫ Н. Г. Нарты – «дети солнца» (к этимологии термина «Нарт») // Известия Юго-Осетинского НИИ им. З. Н. Ванеева. Вып. XXXVII. Цхинвал, с. 139-155.
- ДЗАБИТЫ 2003 – ДЗАБИТЫ З. Т. Ирон æвзадзы фразеологон дзырдут. Цхинвал.
- ДЗИЦЦОЙТЫ 1992 – ДЗИЦЦОЙТЫ Ю. А. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в Нартовском эпосе. Владикавказ.
- ДЗИЦЦОЙТЫ 1997 – ДЗИЦЦОЙТЫ Ю. Нартаæ æмæ сæ идеологи // газета «Хурзæрин», № 56.
- ДЗИЦЦОЙТЫ 1998 – ДЗИЦЦОЙТЫ Ю. А. К скифо-европейским ареальным изоглоссам // Studia Iranica et Alanica. Rome.
- ДЗИЦЦОЙТЫ 1999 – ДЗИЦЦОЙТЫ Ю. Ном «Хæмыц»-ы равзæрды тыххæй // «Мах дуг», № 8.
- ДЗИЦЦОЙТЫ 2003 – ДЗИЦЦОЙТЫ Ю. А. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал.
- ДЗИЦЦОЙТЫ 2005 – ДЗИЦЦОЙТЫ Ю. А. Родословное древо нартов // Историко-филологический архив. Вып. 3. Владикавказ.

- Добровольский 1914 – Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск.
- ДРС – Дигорско-русский словарь. Владикавказ, 2003.
- Дюмезиль 1976 – Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология / пер. с франц. М. ИАА, III – Ирон адамон аргъауттæ. Т. III. Цхинвал, 1962.
- ИАС, I – Ирон адамы сфæлдыстад. Т. I. Дзæуджыхъæу, 1961.
- Иллич-Свитыч 1971 – Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b - K). М.
- ИОД – Ирон орфографион дзырдут. Дзæуджыхъæу, 2002.
- ИСАЕВ 1987 – ИСАЕВ М. И. Осетинский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. М. С. 537-643.
- КАРАМШОЕВ 1991 – КАРАМШОЕВ Д. Шугнанско-русский словарь. Т. П. М.
- КЛИМОВ 1964 – КЛИМОВ Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М.
- КОВАЛЬ 1990 – КОВАЛЬ А. И. Эпос и литература фульбе. М.
- КОЧЕРГИНА 1987 – КОЧЕРГИНА В. А. Санскритско-русский словарь. М.
- КРОС – Краткий русско-осетинский словарь. М., 1978.
- КУЗНЕЦОВ 1980 – КУЗНЕЦОВ В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе.
- КУЗНЕЦОВ 1984 – КУЗНЕЦОВ В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе.
- КУЛЛАНДА 2006 – КУЛЛАНДА С. В. *Lingua scythica ad usum historici* // Древности скифской эпохи: Сборник статей. М. С. 194-209.
- КУЛЛАНДА, РАЕВСКИЙ 2004 – КУЛЛАНДА С. В., РАЕВСКИЙ Д. С. Эминак в ряду владык Скифии // Вестник древней истории. № 1. С. 79-95.
- КУРДОВЕВ, ЮСУПОВА 1982 – КУРДОВЕВ К. К., ЮСУПОВА З. А. Курдско-русский словарь (сорани). М.
- КЪУБАЛТЫ 1978 – КЪУБАЛТЫ А. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу.
- ЛИВШИЦ, ХРОМОВ 1981 – ЛИВШИЦ В. А., ХРОМОВ А. Л. Согдийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М. С. 347-514.
- ЛЫТКИН, ГУЛЯЕВ 1970 – ЛЫТКИН В. И., ГУЛЯЕВ Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.
- МА – *Midžač'vuli amirani* [«Прикованный Амиран» (на груз, яз.)] // М. Я. Чиковани. Прикованный Амирани. Тбилиси, 1947. С. 272-402.
- МАКОВСКИЙ 1996 – МАКОВСКИЙ М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.
- МЕЛЕТинский 1957 – МЕЛЕТинский К. М. Место нартских сказаний в истории эпоса // Нартский эпос. Орджоникидзе. С. 37-74.
- МЕЛЕТинский 2004 – МЕЛЕТинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Издание второе, исправленное. М.
- МИЛЛЕР 1881 – МИЛЛЕР В. Ф. Осетинские этюды. Ч. I. М.
- МИЛЛЕР 1882 – МИЛЛЕР В. Ф. Осетинские этюды. Ч. II. М.

- МИЛЛЕР 1887 – МИЛЛЕР В. Ф. Осетинские этюды. Ч. III. М.
- МИЛЛЕР ОРНС, II – МИЛЛЕР В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь. Т. II. Л., 1929.
- НК, I – Нарты кадджытæ. Т. I. Дзауджыхъæу, 1989.
- ОРС – Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1970.
- ОРФ – Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Фонд «Фольклор». Владикавказ.
- ПАХАЛИНА 1971 – ПАХАЛИНА Т. Н. Сарыкольско-русский словарь. М.
- ПАХАЛИНА 1983 – ПАХАЛИНА Т. Н. Исследование по сравнительно-исторической фонетике памирских языков. М.
- ПАХАЛИНА 1991 – ПАХАЛИНА Т. Н. К вопросу о происхождении осетинского слова part // Первая международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ.
- ПРОПП 1986 – ПРОПП В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.
- РАЕВСКИЙ 1977 – РАЕВСКИЙ Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.
- РУБИНЧИК, II – Персидско-русский словарь. Под ред. Ю. А. Рубинчика. Т. II. М., 1970.
- СМИРНОВА 1957 – СМИРНОВА Я. С. [рецензия на: Нарты. Эпос осетинского народа. М., 1957] // Советская этнография, № 6. С. 85-86.
- СМИРНОВА 1959 – СМИРНОВА Я. С. Военная демократия в Нартском эпосе // Советская этнография, № 6.
- СМОМПК, VII, 2 – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII, отд. 2. Тифлис, 1889.
- ТИБИЛОВ 1988 – ТИБИЛОВ А. А. Собрание сочинений (на осет. и русск. яз.), Цхинвал.
- ТРУБАЧЕВ 1971 – ТРУБАЧЕВ О. Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология 1968. М. С. 24-67.
- ТУАЛЛАГОВ 2001 – ТУАЛЛАГОВ А. А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. Владикавказ.
- ТУАТЫ 1969 – ТУАТЫ Д. Уацмыстæ. Т. I. Дзауджыхъæу.
- ФАСМЕР, I-IV – ФАСМЕР М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. ТТ. I, II. М., 1986; ТТ. III, IV. М., 1987.
- ХИФ, 1940 – Хуссар Ирыстоны фольклор. Сталинир.
- ХЪОДЗАТЫ 2005 – ХЪОДЗАТЫ Æ. Æрду æмæ æдкъала бæлас // «Мах дуг», № 9. С. 128-140.
- ЦАБОЛОВ 2001 – ЦАБОЛОВ Р. Л. Этимологический словарь курдского языка. Т. I. М.
- ЧИЧЕРОВ 1952 – ЧИЧЕРОВ В. И. Некоторые вопросы теории эпоса и современные исследования нартских сказаний осетин // Известия АН СССР, ОЛЯ. Т. XI, вып. 5. М.
- ЧОЧИЕВ 1996 – ЧОЧИЕВ А. Р. Нарты-арии и арийская идеология. М.
- ЧУРСИН 1925 – ЧУРСИН Г. Ф. Осетины. Этнографический очерк. Тифлис.
- ШАГИРОВ 1977 – ШАГИРОВ А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. I. М.

- ЭДЕЛЬМАН 1971 – ЭДЕЛЬМАН Д. И. Язгулямско-русский словарь. М.
- ЭДЕЛЬМАН 1986 – ЭДЕЛЬМАН Д. И. Сравнительная грамматика восточно-иранских языков. Фонология. М.
- BAILEY 1979 – BAILEY И. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge.
- BAILEY 1980 – BAILEY H. W. Ossetic (Narta) // Traditions of Heroic and Epic Poetry. London.
- BARTHOLOMAE 1961 – BARTHOLOMAE Chr. Altiranisches Wörterbuch. Berlin.
- BIELMEIER 1982 – BIELMEIER R. Zur Entwicklung der ossetischen Deklination // Indogermanische Forschungen, № 87. Berlin.
- CHEUNG 2000 – CHEUNG J. Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism. Leiden.
- CHRISTOL 1989 – CHRISTOL A. Des Scythes aux Ossetes. Rouenlac.
- CHRISTOL 2003 – CHRISTOL A. Le lexique des couleurs en ossete - (pre)histoire d'un champ lexical // «Nartamongæ». Vol. II, № 1-2.
- CORNILLOT 2002 – CORNILLOT F. Les racines mythiques de l'appellation des Nartes // «Nartamongæ». Vladikavkaz-Paris, vol. I, № 1.
- DUMÉZIL 1986 – DUMÉZIL G. Loki. Nouvelle édition refondue. Flammarion.
- DZITTSOJTY 2007 – DZITTSOJTY Ju. A Propos of Modern Hypotheses on the Origin of the Scythian Language // Scythians, Sarmatians, Alans: Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes. Barcelona. P. 11-12.
- GERSHEVITCH 1955 – GERSHEVITCH I. Word and Spirit in Ossetic // Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. London, 1955 (17).
- GIGNOUX 2005 – GIGNOUX Ph. [рец. на:] “Nartamongæ”. Vladikavkaz-Paris, 2002, vol. I, № 1 // “Nartamongæ”. Vladikavkaz-Paris, vol. III, № 1-2, p. 223-225.
- GOLAB 1994 – GOLAB Z. Prehistoric Contacts Between Ossetic and Slavic // Non Slavic Languages of the USSR. Papers from the 4th Conference. Slavica Publications: Columbus.
- HARMATTA 1970 – HARMATTA J. Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged.
- IVANTCHIK 2002 – IVANTCHIK A. Un fragment de l'épopée scythe: “le cheval de Colaxaïs” dans un partheneion d'Alcman // Ktema. Civilisations de l'Orient, de la Grèce et de Rome antiques. Strasbourg, № 27.
- KNOBLOCH 1991 – KNOBLOCH J. Homerische Helden und christliche Heilige in der kaukasischen Nartenepik. Heidelberg.
- LEBEDYNSKY 2000 – LEBEDYNSKY Ia. Des noms et des peuples: Les noms ethniques des Ossetes et de leurs ancêtres // D'Ossète et d'alentour. № 8. P. 4-17.
- MACDONELL 1897 – MACDONELL A. A. Vedic Mythology. Strassburg.
- THORDARSON 1989 – THORDARSON F. Ossetic // Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden.
- ZGUSTA 1998 – ZGUSTA L. Typology of etymological dictionaries and V. I. Abaev's Ossetic Dictionary // Studia Iranica et Alanica. Rome. P. 525-540.

ON THE ETYMOLOGY OF THE EPIC TERM *NART*

SUMMARY

Among etymologies of the term *nart* the most acceptable are two: etymology on the Iranian ground, connecting the considered term with Old Iranian stem **nar-* ‘man; male’, and etymology on the Mongolian ground, deducing this term from the Mongolian stem *nar-* ‘sun’. However the historical phonetics and historical morphology of the Ossetic language contradict etymology on the Mongolian ground. At the same time objections of V. I. Abaev against etymology on the Iranian ground are not valid at all. The most probable Old Iranian etymon of the term *nart* is **(hu-)nar-θa-*, reconstructed by the French scholar F. Cornillot.